

Лотар-Шевченко Вера
(конкурс)

71.12.05.

83

РЯНЫЙ СЛОЙ

Новый изд. - 2005 - 08-11 дек. - с. 28.

Рояль на нарах

В Новосибирске проходят первый фортепианный фестиваль и международный конкурс пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко

В Новосибирске в здании Театра оперы и балета 1—14 декабря — Первый фортепианный фестиваль и международный конкурс пианистов памяти Веры ЛОТАР-ШЕВЧЕНКО.

Попечительский совет конкурса возглавляет Михаил Плетнев. В совете — Владимир Мотыль, пианист Паскаль Девуайон, Анни Жирардо, директор Ecole Normale de Musique de Paris Генри Хейгель.

В концертах участвуют известные российские пианисты — Александр Мельников, Наталья Талдыкина, Константин Лапшин, Филипп Копачевский (молодой музыкант еще учится в ЦМШ), французский пианист Дэвид Фрей. В программе — близкие Вере Лотар-Шевченко имена: Шопен, Дебюсси, Бах, Лист, Шуберт, Скрябин...

Записей самой Веры Августовны почти не осталось. Только гибкая пластинка из журнала «Кругозор». Чиновники

1970-х долго решали: можно ли фирме «Мелодия» записывать лагерницу с 58-й статьей? А потом стало поздно.

Вера Лотар, парижанка, дочь профессора Сорбонны, училась у знаменитого французского пианиста Альфреда Корто. В двенадцать лет заключила первый контракт с оркестром Артуро Тосканини. В конце 1930-х вышла замуж за советского дипломата Владимира Шевченко и уехала в СССР. В музыкальный мир Москвы и Ленинграда ее ввела великая пианистка Мария Юдина.

В 1941-м арестовали Владимира Шевченко. Парижская пианистка бросилась в ленинградский НКВД и сказала им в лицо все, что думала. Взяли и ее.

На лагерных нарах Вера Лотар вырезала клавиатуру рояля.

И тринадцать лет «играла» без звука — Баха, Бетховена, Дебюсси.

В первый день свободы, в драмном бушлате, она бежала через весь Нижний Тагил в музыкальную школу. Учителя ис-

пугались и вида этой женщины, и ее просьбы: оставить одну у фортепьяно. Но Урал 1954 года понимал, что к чему.

Ее оставили у инструмента. И слушали за дверьми: Дебюсси, Шопен...

Местным театром руководил юнец — не принятый во ВГИК Владимир Мотыль. Тень дружбы Владимира Яковлевича с немолодой, только что вышедшей из лагеря театральной тапершей есть в фильме «Звезда пленительного счастья»: Мотыль писал о жене декабриста, Полине Анненковой-Геббель, вспоминая другую парижанку, ушедшую вслед за русским мужем в русские каторжные края.

В 1960-х Симон Соловейчик написал о ней очерк в «Комсомолке». После этого академик М.А. Лаврентьев пригласил Веру Августовну в новосибирский демгородок. Там Лотар-Шевченко прожила двадцать лет. Дверь квартиры на ул. Терешковой, 4, почти всегда была полуоткрыта: студенты, учащиеся знаменитой ФМШ Академгородка сидели на лестнице, слушая ее игру.

В организацию Новосибирского фортепианного фестиваля памяти пианистки вложил много сил известный журналист Юрий Данилин. В 1970-х Данилин был собкором «Комсомолки» в Новосибирске. В его книге «Портреты по памяти» есть замечательная глава о Лотар-Шевченко.

Публикуем фрагмент. О самых счастливых годах ее жизни в СССР.

● Отдел культуры

Мысли без слов

водка — нужен рояль!». И что вы думаете — тут же поднимаются два «месье», ни слова не говоря, берут бутылки «Посольской» и уходят. В ночь. Навсегда, думаю я, зная местные нравы. И ошибаюсь.

Уже минут через двадцать мы видим в окно, как через трамвайные пути катят приличного вида кабинетный рояль. Выменяли на водку у сторожа соседнего дворца культуры. Не «Стенвей», конечно, но вполне пригодную «Эстонию».

В новогоднюю ночь в ботом забытой «Волне» в промышленном районе Новосибирска играют Брамса. И как!.. Ни на кого не обращая внимания. Поразительно. Я не вижу синюшных лиц. Явилась вся кухня, швейцары, гардеробщики и, стоя полтора часа, благоговейно слушают музыку. С ума можно сойти. Не «Волна», а зал Дворянского собрания. И ручку целуют галантно, и машину находят мгновенно, и трогательно прощаются. Нет, я не знаю своего города!

Зато я вполне узнаю его, когда срываются ее концерты. Сознательно. Филармонический начальник из бывших строителей не любит Лотар-Шевченко. Как и консерватория, и руководитель местного симфонического оркестра. И уверяет всех, что нет нужды в ее концертах. Ну, играет в Москве и Ленинграде — на здоровье. А мы, дескать, обойдемся.

Под давлением общественного мнения концерт все-таки назначается, и не где-нибудь, а в Большом зале театра оперы и балета. Все прекрасно. Но за день она вдруг звонит и с несвойственной ей тревогой говорит, что у нее ощущение провала: никто не придет.

Ее беспокойство передается мне, и я бегу по городу посмотреть, где афиши. А их нет. Есть только одна, внутри театра, у касс. Такое вероломство трудно было представить. Не знаю, как повлиял бы на нее перенос концерта. Не представляю, что можно успеть сделать.

Звоню Мише Черемных, молодежному деятелю, на самый крупный в Новосибирске завод «Сибсельмаш», и он обещает помочь. Бегу к главному воинскому чину с просьбой издать приказ: весь гарнизон — в театр! Чин в ужасе и уверяет меня, что таких приказов в природе быть не может. Рассказываю о Лотар-Шевченко. Он зовет алыотанта и велит сделать то, что нельзя написать в приказе. Обещает быть сам с семьей и друзьями.

Вечером театр блещет разномастными звездами. Свободных мест нет. Вера Августовна играет Бетховена. Как всегда, блестяще. И, как всегда, меня поражает тот факт, что даже случайно собранные люди способны воспринимать ее музыку глубоко и серьезно. Как будто звезды надели на студентов консерватории или музучилища. Успех ошеломляющий. Военные люди вырвали всю клумбу у театра, засыпали исполнительницу не только цветами, но и землей.

А она спрашивает после концерта: «Вы не знаете, почему в зале было так много милиции?». Все звезды для нее — милиция, охрана...

«...» На ее концерты в обеих столицах билеты в первый ряд не продавали. Места здесь предназначались для тех, с кем разделила она страшные лагерные годы. Пришел — значит, жив.

● Юрий ДАНИЛИН

...Иногда к ней возвращалось французское легкомыслие. К моему большому удовольствию. Она, например, прикатила в предновогодний вечер в корпункт «Комсомолки» на такси (двадцать пять километров от Академгородка) и с порога объявила: «Будем кутить». «Давайте здесь», — предложил я, понимая, что такое предпраздничная ночь в городе. Но никакое понимание Веру Августовну никогда не интересовало. «Здесь надо работать, а не кутить», — сообщила она мне голосом отсутствующего главного редактора. Мы сели в какой-то случайный, но дорогой рыдван и ездили по городу в поисках романтического места. Надо заметить, что при знании многих языков ей почти не давался русский. Так что романтическое название мы могли бы искать до утра. Наконец владелица рыдвана начал посматривать на нас с нескрываемой ненавистью. А Вера Августовна как ни в чем

не бывало осведомлялась: «Что это значит — «Волна»?». Я уж собирался объяснить, что хуже в городе ничего нет, как проклятый рыдванщик, давно мечтающий нас высадить и не знавший как, запел елеинным голосом: «Это море такое, брызги, вода, фейерверк...». Конечно, мы немедленно десантировались. И мои уговоры не помогли.

Входим: нормальная грязноватая городская забегаловка — синюшные лица, дым коромыслом. Она огляделась и говорит: «Здесь нет рояля». «Господи, — думаю я, — хорошо, если моют посуду хотя бы раз в день». Старенькая каракулевая шубка держалась на ее плечах как горностаи. Она умела быть заметной. И скоро пьянчужки из «Волны» притихли и стали с тревогой на нее посматривать. Женщин в зале было очень мало. А такой они и вообще никогда не видели. И тревога их оправдалась. Она обратилась к ним непосредственно. «Месье, — сказала она, — есть